

© 2001 г., ЭО, № 3

Т.Д. Булгакова

ПОХИЩЕНИЕ ШАМАНСКИХ ДУХОВ*

В настоящей статье представлены собранные автором полевые материалы о похищении нанайскими шаманами друг у друга духов-помощников¹. Информация, касающаяся похищения духов и других проблем, вызванных враждой между шаманами, относится к области тайного знания, не подлежащего разглашению, и потому труднодоступна для исследователя. Шаманы могут иногда признать, что шаманские войны происходят где-то в далеких краях, но о своих врагах они предпочитают молчать². В свое время С.М. Широкогоров, исследовавший традиционную эвенкийскую культуру, типологически сходную с нанайской, писал, что шаманские войны представляют собой весьма редкое явление, имеющее место только среди двух эвенкийских родов. В силу своей исключительности это явление, по его мнению, не должно вызывать негативного отношения к шаманам в целом³. Тем не менее к настоящему времени собрано достаточно данных, которые позволяют утверждать, что вражда шаманов хотя и не обязательно сопутствует шаманской практике, но все же довольно распространена, в том числе среди эвенков⁴ и нанайцев. В литературе, касающейся нанайских шаманов, встречается в основном информация о тайных межродовых и межэтнических конфликтах шаманов⁵. Менее известна вражда нанайских шаманов-родственников, проявляющаяся именно в похищении духов-помощников.

То обстоятельство, что шаманы соперничают между собой, общеизвестно. По данным А.В. Смоляк, даже в одном селе вряд ли можно было встретить друживших между собой нанайских шаманов⁶. И все же если говорить не о соперничестве, а о настоящей вражде, то среди шаманов-сородичей она встречалась значительно реже, чем среди шаманов разных национальностей. Как выразилась нанайская шаманка Када, шаманы-сородичи могли стать врагами только в том случае, если они «сильно хулиганили», т.е. не останавливались перед соблазном увеличить свою шаманскую силу за счет гибели родственника.

Вражда шаманов-сородичей носит иной характер, чем вражда шаманов из разных родов и разной этнической принадлежности. Межродовая и межэтническая вражда среди шаманов выражается в том, что они направляют своих духов в род врага и стараются погубить как самого врага, так и тех его родственников, которые могли бы после его смерти унаследовать провоцирующих продолжение вражды шаманских духов. Враг же защищается от чужих духов с помощью духов своего рода. Переход духов от одной из враждующих сторон к другой в принципе невозможен в силу значальной связи (как представляют это носители традиции) духа с определенным родом. Невозможно среди шаманов разных родов и соперничество, потому что шаманские духи наследуются, передаются по определенной родовой линии и никто из чужих не может претендовать на обладание ими.

Шаманы-сородичи, напротив, имеют общих родовых духов, из-за которых они и соперничают. То обстоятельство, что некий дух стал к определенному моменту помощником кого-то из них, никого в этом соперничестве не останавливает. Считается, что дух может в любой момент покинуть хозяина и перейти к его родственнику

* Статья подготовлена при содействии Института "Открытое общество" (проект RSS № 733/2000).

(к другому шаману либо к только становящемуся шаманом неопиту). Соперничество родственников из-за «лучших» в их роду духов-помощников считается вовсе не безобидным делом, так как потерявший духа шаман, может, по поверью, заболеть и даже умереть. Поэтому никто не похищает духов открыто – делают это тайно, т.е. совершают кражу (*сэвэмбэ чоли*).

Довольно распространено ошибочное представление о том, что в роду (а нанайских шаманов по праву называют родовыми⁷) есть только один шаман (или только один главный шаман), управляющий делами этого рода и заботящийся о его благополучии. В действительности даже в настоящее время, когда шаманов стало значительно меньше (старики любят вспоминать, как много было их раньше!), всех духов рода наследует не один шаман, – они как бы распределяются между несколькими шаманами-родственниками. Родовых духов много и наследников также может оказаться несколько. Даже в одной семье братья и сестры могут стать шаманами, владея разными духами своего рода.

Так, обладавший шаманскими способностями Николай Петрович Бельды имел двух сестер-шаманок – Марию Петровну и Тоё Петровну. Шаманили также уже умершие их братья и сестра: Иннокентий Петрович, Антон Петрович и Наоя Петровна, т.е. практически все дети могущественной шаманки Дэхэ Киле. Мне пришлось наблюдать соперничество Николая Петровича, Марии Петровны и Тоё Петровны из-за «самых лучших», по их представлениям, духов-помощников, доставшихся им от матери, – *сэвэнов*. Соперничество становится обычно причиной того, что, став шаманами, родственники стараются не жить в одном месте и селятся в разных деревнях. Так, Николай Петрович жил в Найхине, Мария Петровна – в Даерге, а Тоё Петровна – в Синде. Встречались они, насколько мне известно, обычно лишь для того, чтобы совершить совместно какое-то камлание. Селясь подальше от других шаманов, каждый шаман стремится собрать вокруг себя свою группу клиентов⁸. Живя же в одном месте, шаманы могут соперничать из-за клиентов. Чем больше у шамана клиентов, тем не только выше его авторитет в группе, но и, что особенно важно, тем больше людей приносят жертвы его духам и тем более надежно, как он считает, его положение.

В процессе деятельности шаман обычно увеличивает число своих духов-помощников за счет тех, которые еще не достались никому из его сородичей. И точно так же он может стремиться похитить духов у своих родственников.

«Допустим, я большой шаман, – объясняет Николай Петрович, – а у тебя есть хороший сэвэн и, кроме того, мы с тобой как-то роднимся. Я могу переманить твоего сэвэна, забрать его в свой *дэкасо*⁹. У (шамана)¹⁰ Кианки была жена Даолянка, – продолжает он. – Соянская. У нее был сэвэн, и Кианки каким-то образом мог им обладать.

– Он родился с Соянскими?

– Да, его мать наша, Соянская. И поскольку Кианки был старше жены и по возрасту, и по шаманству своему, он забрал у жены этого сэвэна и держал его у себя» (с. Найхин, 1993 г.).

Шаманские духи наследуются у нанайцев преимущественно по отцовской линии, но шаман может иногда воспринять духов не только от своего отца или деда, но и, скажем, от матери или бабки. Женщина в этом случае становится тем передаточным звеном, через которое шаман получает духов, перешедших к ней по ее отцовской линии. Таким образом, один шаман может соединить в себе духов, передавшихся к нему не только через отца, но и через мать и бабушку, т.е. в нем одновременно сходятся духи двух, трех и даже более родовых линий. Это явление – соединение в одном лице духов разных родовых линий – нанайцы называют *адаори*, – букв. «приставать» (духи одной родовой линии пристаю́т к духам другой линии).

Шаман может похитить духов у своего родственника в случае, если тот, заболев, по неосторожности обращается к нему с просьбой пошаманить. Поскольку духами-помощниками шамана могут быть не только духи, перешедшие к нему по отцовской

линии, но и духи другого рода, унаследованные иногда через какую-то родственницу, непосвященным трудно разобраться, духи какого именно рода являются его помощниками. Поэтому бывают случаи, что за помощью к шаману обращаются те, кто сам обладает духами из того же источника, что и шаман. Такое произошло, например, с Марией Иннокентьевной Тумали. Она могла бы стать шаманкой, если бы не камлание, совершенное над ней шаманом-сородичем. Камлая, он перекрыл ей шаманские дороги невидимого мира и похитил ее духов.

«Раньше я все заранее знала, – рассказывает Мария Иннокентьевна, – знала, какого человека встречу, кто и откуда придет, кто и где что нашел. Мои братья говорили: "Наша младшая сестра шаманочка!" Я очень смущалась. Ничего не отвечала на это, молчала. А потом я заболела. Повезли меня к слепому шаману Самару. Старый он был, болел, и не смог меня лечить. Тогда повезли меня к другому шаману, к мужу нашей тети. Тот стал шаманить и, шаманя, он закрыл мои (шаманские) дороги. После этого я ничего не знающей стала. Раньше, когда мой муж *ли* (пел по-шамански), я все знала (видела тот невидимый мир, в котором он в это время действовал). А сейчас все ушло. Стало темным-темно. Как ни думаешь обо всем, везде только пусто! Разве можно так делать, когда лечишь людей? Себе забрал (моих духов), наверно, или что сделал?» (с. Кондон, 1994 г.).

Шаманы-родственники могут претендовать на одних и тех же духов именно потому, что они, как считается, ходят по одним и тем же дорогам невидимого мира, на которых и встречаются этих духов. Николай Петрович, так же как и Мария Иннокентьевна, был почти готов, как он говорит, стать шаманом, но не стал им. Сам он объясняет это тем, что ему сделали операцию на легких и духи, увидев Николая Петровича разрезанным на операционном столе, покинули его как умершего. Вместе с тем по некоторым оговоркам можно понять, что сам Николай Петрович верит скорее тому, что он потерял своих духов, поскольку на них претендовали его старшие и более опытные в шаманском деле сестры-шаманки.

«Бывало, еще до операции зовешь своих сэвэнов-собак, – говорит Николай Петрович, – и видишь, что их кто-то держит, кто-то веревкой их привязывает».

Его жена, шаманка Минго, прислушивается к рассказу и комментирует:

«– Это Мария Петровна! Или Тоё!»

– Нет, – возражает Николай Петрович. – Тоё этого не может. Это Мария Петровна обычно делает. Мы с ней ходим по одной *гора* и по одной *дёргил*¹¹. Она отбирала у меня многих сэвэнов. Я это знаю» (с. Найхин, 1994 г.).

Считается, что похищение сэвэнов может совершаться во сне. «Если бы Мария Петровна делала все, как полагается, по старинке, она была бы великой шаманкой, как моя мама, – рассказывает о своей сестре Николай Петрович. – Она все от мамы взяла. И даже тех сэвэнов, которые должны были перейти ко мне, и тех она себе забрала. Она держала у себя мою собаку, не отпускала ее ко мне. Иной раз она придет ко мне во сне, возьмет мою собаку и привяжет ее где-нибудь у себя. Через месяц, два, а то и через год придет ко мне мой пес назад. Но она тут же снова его к себе забирает. Она же шаманка, а я простой человек!» (с. Найхин, 1994 г.). Сновидение, в котором шаман крадет чужого сэвэна, видят, как утверждают носители традиции, оба – и похититель, и его жертва, так как оба они встречаются в это время в невидимом мире¹².

Но чаще шаман крадет духа не во сне, а во время камлания. Человек может и не знать, что у него есть уже дух, который, может быть, сделает его впоследствии шаманом. Заболев, он обращается за помощью к шаману. Не подозревая о том, что обладает духом, он не знает и того, что дух этот пришел к нему по тем же самым родовым дорогам невидимого мира, к которым имеет доступ в силу какого-то с ним родства и тот шаман, к которому он сейчас обратился. Между тем все это становится ясным шаману в ходе лечения, и он встает перед выбором: либо отказаться от искушения и продолжать лечить своего пациента, либо незаметно для него похитить духа и тем самым умножить свои возможности.

«Сэвэнов крадут, – говорит Мария Иннокентьевна, – когда делают человеку *таочи*¹³. И если украдут у человека сэвэна, он заболит еще больше. Он думает, что его лечат, а на самом деле крадут его сэвэна. И такое было. Зачем так делать? Жалко человека, он тоже хочет выздороветь!» (с. Кондон, 1994 г.). «Ты зовешь меня пошаманить, а я забираю твоего сэвэна и держу его у себя, – объясняет Николай Петрович. – И ты можешь даже ничего об этом не знать! У тебя осталась фигурка этого сэвэна, и ты даже не знаешь, что она уже пуста. И только когда ты заболеешь и позовешь кого-то другого тебе пошаманить, ты можешь узнать, что твой сэвэн у такого-то. Шаман берет чужого сэвэна скрытно. Потому-то и говорят: "Ворует!"». Шаман может забрать себе духа своего родственника даже в том случае, если камлет этому родственнику не сам он, а кто-то другой. «Допустим, я заболел, и на меня шаманят, а Мария Петровна пришла. И она в это время... Она даже не думает о том, что это моя собака, что я держу ее у себя. Она просто зовет ее: "Вот такая-то собака, приходи ко мне!". Ну и все! Та пошла, там помогла и там и осталась! Мария Петровна же не отпустит ее после этого!» (с. Найхин, 1994 г.).

Иногда шаман сознательно приманивает чужого сэвэна. Об этом приеме нанайских шаманов упоминает А.В. Смоляк. «Случалось, – пишет она, – что дух-помощник уходил от своего хозяина, его переманивал другой шаман. Их привлекали свежим мясом, особенно свиным, которое духи очень любили, но сам шаман, хозяин духов, никогда не кормил их такой кровавой пищей, от этого дух мог стать злым, убить многих людей, даже хозяина»¹⁴. Николай Петрович, которому я зачитала эту цитату из книги А.В. Смоляк, уточнил, что духов приманивали не сырым мясом, а свежей кровью.

«Когда режут свинью или петуха, – сказал он, – для сэвэна, которого хотят похитить, наливают немного крови. Приманивают его этим. Например, моя мама родила (духа) Армоки¹⁵, и обладать ею может и Тоё Петровна, и Наоя Петровна, и Мария Петровна, и я, и Иннокентий Петрович, и Антон Петрович. Но будет она у того, у кого она попробовала свежей крови. Попробует у Тоё Петровны – у нее останется и будет *амбаном* (злым духом). Если же она ко мне придет – у меня она крови никогда не пробовала, то она не будет и просить ее у меня.

– Будет хорошей?

– Да, хорошей! Но у Тоё Петровны она будет *амбаном*!» (с. Найхин, 1992 г.).

Говоря о мотивах похищения, отметим прежде то удивительное обстоятельство, что кража сэвэна считается опасной не только для пострадавшего, но и для самого похитителя. Зачем, например, нужно было Тоё Петровне приманивать кровью Армоки, если последняя становилась у нее злым духом?

«Будет ли Армоки, которая стала *амбаном*, служить Тоё Петровне?

– Не будет она ей служить, – отвечает Николай Петрович, – будет стараться, чтобы поскорее умерла.

– Зачем же тогда было ее приманивать?

– По старости лет другие сэвэны уходят, крепкие сэвэны! Пусть хоть такая будет! Я лучше *амбаном*, думает, стану и буду тебе мешать!» (с. Найхин, 1994 г.).

Заполучив нового духа, шаман приобретает вместе с ним и новые проблемы и, как правило, заболевает. «Заберет (у своего брата) сэвэна и сама же болеет, – осуждает Марию Петровну Минго. – Зачем так делать?». Николай Петрович считает, что Тоё Петровна сошла с ума именно потому, что «подбирала чужих сэвэнов и шаманила на них». «Нельзя подбирать чужих сэвэнов!», – считает он. Все это говорит о том, что есть нечто, представляющее для шаманов такой интерес, перед которым незначительной ценностью кажутся даже их собственные благополучие и здоровье. Это соблазн стать еще более могущественным и получить новые способности и возможности. Шаману иногда кажется, что будь у него еще один дух, именно тот, который, по несчастью, достался не ему, а его родственнику, и какие-то его проблемы будут решены и он сможет превзойти своих соперников в могуществе.

«Многих моих сэвэнов держала у себя Мария Петровна, – говорит Николай Петрович. – Жену мою Калгаму она у себя держала.

– Зачем ей ваша жена, она ведь женщина?

– Моя жена ей помогала. Она же знает, что это хороший сэвэн! Был еще у меня сэвэн *мапа* (старик). Я не скажу тебе его имя. Он живет на Сихотэ-Алине, у него там *торо*¹⁶. И его Мария Петровна у себя держала. И другого моего мапа, который на *Силаса янгни* (на горе Силаса) живет, она тоже себе забрала. Того она держала, потому что у нее противники были. А я оттуда (из горы Силаса) мог выйти весь в латах и кольчуге. Ей тоже это нужно было. Ей это нужно, иначе она открыта, беззащитна перед своими врагами. Потому она и держала все это у себя. Многих она у меня забрала, я не стану тебе обо всех говорить» (с. Найхин, 1994 г.).

Возможность завладеть чужими сэвэнами и упрочить свою шаманскую силу настолько соблазняла шаманов, что они, не задумываясь, подвергали опасности жизнь своей жертвы. Шаман, у которого похитили сэвэна, заболел и даже мог умереть. Николай Петрович вспоминает в связи с этим смерть жены шамана Кианки: «Она умерла из-за того, что Кианки не возвращал ей ее (украденного им) сэвэна. В то время были шаманы еще сильнее, чем Кианки. Заберут они у Кианки этого сэвэна и отдадут его назад его жене. А он в голос плачет, когда без того сэвэна останется! Со временем он все равно снова к себе его переманивал. Старики стали ему говорить: "Что ты делаешь? Ты же ее убьешь этим!". Так она и умерла.

– Почему же он так держался за того сэвэна?

– Не знаю. Очень уж хороший был сэвэн! Кианки в голос плакал, когда терял его. Я-то сам не слышал, мне мама говорила, и другие говорили, что он плакал. Заберут у него сэвэна старшие шаманы – а он против них ничего не мог сделать! – заберут, отдадут ей, и месяц или два ей хорошо, она не болеет. А потом он снова овладевает этим сэвэном и опять...» (с. Найхин, 1994 г.).

Последствия похищения часто бывают для обокраденного шамана трагичными. О той же жене шамана Кианки Ольга Егоровна рассказывает так: «Кианки украл у своей жены сэвэнов. Она просит, умоляет его: "Неужели ты не жалеешь меня?" А он стал уже шаманить с сэвэнами своей жены. Она говорит ему: "Отец, неужели ты меня не пожалеешь? Ты же убьешь меня так! Хоть одного сэвэна отдай мне назад!". А он сидит и молчит. Ничего не говорит. Не отдает и все! Так она и умерла. Когда она вышла за него замуж, она еще не была шаманкой. Он забрал ее сэвэнов, и она стала болеть» (с. Верхний Нерген, 1993 г.).

Опасность быть обокраденным более всего угрожает либо начинающему, еще слабому шаману, либо неопиту, шаманом еще не ставшему, но уже имеющему шаманских духов. Опытному старшему шаману трудно удержаться от того, чтобы самому не посягнуть на тех духов, с помощью которых новичок сможет в скором времени превзойти его своими шаманскими умениями. Особенно искусителен в этом отношении для старого шамана обряд, во время которого он посвящает новичка в шаманы. Для того чтобы посвятить неопита, он камлает и идет вместе с будущим шаманом по его шаманским дорогам невидимого мира. Как говорит А.В. Смоляк, это единственный случай, когда духи-стражи указанных дорог пропускают чужого¹⁷. При этом неопит ориентируется в новом для него мире еще не так хорошо, как старший шаман, и если последнему шаману удастся сделать это незаметно, он, разыскав на шаманских дорогах духа будущего шамана (*ниокта*¹⁸), может его украсть, вместо того, чтобы отдать новичку.

Так, Ченче, жительница с. Дада, которая хотела стать шаманкой, приезжала к шаманке Гаре, чтобы «поставить» себе ниокта, т.е. пройти обряд посвящения. Гара стала камлать, нашла ее ниокта, но опустила тот этап обряда, когда нужно было отдавать никота Ченче, и он так и остался у Гары. «Закончили шаманить, – рассказывает об этом случае Линдзя. – Пошла Ченче к трассе на автобусную остановку и, как только домой приехала, умерла. Зачем брать чужого ниокта? Иногда человек не знает, что у него взяли (его духа). Если же догадается, то начинает ссориться (с этим шаманом), даже драться. Но она-то (Ченче) сразу это заметила (во время камлания). Но постеснялась об этом сказать. Стеснялась до смерти! Когда она

приехала домой, успела перед смертью рассказать людям об этом» (с. Дада, 1992 г.).

Обокраденный шаман все же не всегда обречен на смерть. Если он сумеет вернуть своего духа, то останется жив и будет пытаться отомстить обидчику. Такой исход похищения становится началом долгой вражды. «Если у человека есть хороший сэвэн, другой шаман может его украсть. И когда этот другой шаман заберет себе хорошего сэвэна, они начинают враждовать. Такая вражда продолжается до самой смерти. Зачем так делать, брать чужое?» – сокрушается шаманка Када (с. Лидога, 1993 г.).

Насколько нам известно, если обокраденный к моменту похищения уже стал шаманом, он сможет выжить только в том случае, если сумеет вернуть своих духов. Даже если кража совершилась во время обряда посвящения, не сумевший отстоять своих духов неофит обречен. Если же духи похищены у человека, который не успел еще пройти обряды посвящения, шансов выжить у него значительно больше. Все последствия этого происшествия могут заключаться для него только в том, что шаманом он так никогда и не станет. «Потеряв сэвэна, – объясняет Тоё Петровна, – человек уже не может шаманить. Только тот, у кого есть сэвэн, найдет, о чем говорить. Шаман говорит так, будто он все видит. А у кого сэвэна нет, о чем ему говорить?» (с. Синда, 1992 г.).

Двое из наших информантов были как раз такими пострадавшими от шаманского грабежа неудавшимися шаманами – это Николай Петрович и Мария Иннокентьевна. Мария Иннокентьевна до сих пор видит повторяющиеся сновидения, связанные с ее несостоявшимся шаманством.

«У меня были сэвэны, – говорит она, – но *най* (другой шаман) украл их и запер. И стала я ничего не знающей. Он закрыл дорогу, по которой я ходила во сне. Это плохо, наверно! Странно, куда я ни пойду во сне, все везде закрыто! Дороги наглухо закрыты, наглухо дома стоят. До сих пор я постоянно все тот же сон вижу. Вижу, что домами дорога моя перегорожена. Не найдешь, где пройти! Вверх взлетишь, и тут же падаешь. Взлечу чуть выше дома и падаю. Пробую дальше пройти, еще раз взлечу и снова вниз. Раньше я ходила по этой дороге, а теперь она закрыта. Зачем так сделали? Разве так делают, когда лечат людей!» (с. Кондон, 1994 г.).

В другой раз она рассказывает об этом более подробно: «Когда я болела, меня лечил шаман, он закрыл мои (шаманские) дороги. *Хуюн боала хунгниэрэ, хуюн боала сибиалара* (В девяти местах запутал, завязал, в девяти местах заткнул, закрыл). На третью ночь (после этого лечения) я вижу сон. Иду к речке. Вода поднялась, наводнение, что ли. И трава, и сено затоплено. Из воды только верхушки стогов торчат. Иду, спускаюсь к берегу, вижу, на берегу лодка. В лодке застоявшаяся вода, зацветшая, и вся лодка обросла ракушками. Ил, тина, и очень скользко. Трава и затопленное сено тоже все в ракушках. Стоячая вода, течения нет, пути нет. Так и проснулась. Никуда так и не смогла поплыть на той лодке. У меня уже был сэвэн от воды, в воде живущий, к тому времени поставлен. Этого сэвэна запер тот шаман. И еще сон видела. Я вышла на берег с той стороны Амгуни. Спускаюсь к воде. Вижу Амгунь. Вода, лето. Хочу я выйти на свою тропу, на той стороне реки, с этой стороны (переход) глубокий, и течение там сильное, а там мельче, и нет такого течения. Я перехожу реку вброд. Вышла на берег. Вижу, прямо поперек моей дороги люди дома построили. Совершенно загородили мне путь. Далеко тянутся дома, никак их не обойти. Как казармы, длинные такие. Много солдат. Молча, тихо иду вдоль этих домов. Что же поделаешь! Не выйти мне на мою дорогу! Остановилась, думаю. Люди ходят, может, и мне пойти вдоль этих домов и попытаться их обойти? А если и обойду, смогу ли я выйти на свою тропу? Так я и не дошла (до края этих домов) и проснулась» (с. Кондон, 1993 г.).

Являющийся во сне Марии Иннокентьевне дух называется духом рода Гаер, он зовёт ее за собой, но она уже не шаманка, она не может больше, как это было в ее молодости, за ним идти. «Пришел ко мне во сне один человек, – рассказывает она, – и говорит: "Вместе пойдем! Ты из какого рода?" – "Я со стороны отца Самар, а со стороны матери Гаер", – говорю. Он говорит мне, что он Гаер. – "Пойдем вместе!" –

"Как я пойду? Я простой человек (не шаманка), не могу идти! Дома стоят поперек моего пути. Шаман перегородил мой путь!" Так говорю, а его уже и нет. Я одна уже осталась!» (с. Кондон, 1993 г.).

Мария Иннокентьевна жалеет о том, что она так и не стала шаманкой. Она рассказывает, как пытается в своих сновидениях преодолеть вставшие перед ней преграды и не может: «На крышу дома лезу. Долезу до чердака, и просыпаюсь. Если б я сумела перебраться во сне через этот дом, пошла бы дальше по своему пути, и все было бы хорошо!». Она чувствует себя в своих повторяющихся сновидениях связанной ремнем, подобным тому, какой надевают на нарты. «Я вся связана, и Вадик (внук) со своим отцом пытаются снять все это с меня. Я говорю: "Постарайтесь!". Никак снять не могут! Все-таки одну (лямку) сняли, а остальное никак не могут отодрать! "Постарайтесь для меня! Снимите! – кричу. – Помогите мне!". Но они так и не сняли. Я проснулась, дрожа. Испугалась, что ли? Дрожа, проснулась» (с. Кондон, 1993 г.).

Носители традиции считают, что владелец «хороших» духов может защитить их только в том случае, если он вовремя заметит, что их крадут, а затем не будет молчать, как промолчала Ченче, а сумеет их отстоять. Гара, укравшая у Ченче духа во время обряда посвящения и тем самым погубившая ее, сама попадала в свое время в аналогичную ситуацию, из которой вышла, правда, иначе. Обряд посвящения Гары совершал шаман Элгинэ Бельды.

«Я работал тогда на моторно-ремонтной станции, – рассказывает брат Гары Эли Кисович. – Отец послал за мной: "Что-то, говорят, нужно для Гары! Неправильно ей нашаманили!". Я пришел, спрашиваю Гару: "Почему ты говоришь, что неправильно тебе нашаманили?". Она тихо сидит, не буянит¹⁹. "Он забрал у меня моего сэвэна, – говорит. – Самакан забрал! Из-за него я болею". Болеет Гара, сильно болеет. "Что с тобой делать? – говорю. – Не знаю". – "Посмотри, – просит она, – об этом хорошенько в каком-нибудь сне!" Я говорю: "Не вижу я никаких снов, ничего у меня нет (нет сэвэнов, которые могли бы показать это во сне)! Где я об этом посмотрю? Ладно, сейчас я *пэргэгуивэ* (погадаю) на этого Самакана. Мне кажется, что Самакан что-то не то делает. Не шаманит, а дурачится". На следующий день я пошел к Самакану. "Брат, – говорю, – зачем ты нам так плохо шаманил?" – "Я, – говорит, – сынок, ничего не знаю, и ты меня не обижай! Я все правильно вам делаю". – "Что же правильного ты сделал?". Он молчал, молчал и говорит: "Я твоей Гаре все хорошо сделал. Буянить она перестала". – "Ах, ты так! Ну ладно, пойдем к нам! Там лучше будет видно, как ты сделал". Он согласился. Пошли. Он говорит Гаре: "Я тебе ничего плохого не сделал!". Опять Гара начала буянить: "Ты покажи мне моего сэвэна!" – кричит. "Вот оно что!" – думаю. Самакан молча сидит. "Ты украл моего сэвэна! – кричит Гара. – Такого-то сэвэна, в таком-то месте находящегося! Выпусти его оттуда!". И опять приступ у нее начинается. Шаман говорит: "Ладно, выпущу!". Три дня он шаманил. Гара затихла. Наконец, он говорит: "Нет у тебя никакого сэвэна!" – "Нет, есть!" – говорит Гара. Снова шаманил он, до ночи, дотемна шаманил. – "Есть, есть!" – говорит Гара. Сама начала шаманить, забрала того сэвэна и у себя его закрыла. Не отдала его Самакану. После этого Гара снова заболела» (с. Даерга, 1991 г.).

Похищение духов представляется, таким образом, серьезной угрозой благополучию шамана. Противостоять этой угрозе пытаются по-разному. В некоторых случаях пострадавший применяет силу, угрожает похитителю и так добывается своего. По рассказу Марии Иннокентьевны, шаман Кианки, похитивший духа у своей жены Даолянки и погубивший ее этим, женился после ее смерти второй раз. «Он взял жену, – говорит Мария Иннокентьевна, – по имени Бабака. Она тоже скоро стала шаманить. И он также захотел ее убить. А она как напала на него с кулаками! У него из носа кровь пошла, а она давай топтать эту кровь ногами: "Ты меня убить хочешь, да только ты меня не убьешь!". И топчет его кровь на полу. "Это я самого тебя топчу! Больше воровать не будешь!". Вот она только живая и осталась!» (с. Кондон, 1994 г.).

В других случаях пострадавший шаман пытается уговорить, подкупить обидчика. Так хотела поступить, правда, безуспешно, одна шаманка, у которой Гара украли сэвэна. Пострадавшая взяла свинью и поехала, по словам Райсы Ганзулиевны, со своими друзьями к Гаре, для того чтобы сделать *кэсиэ гэли*, т.е. принести жертву духам Гары и просить у нее назад своего сэвэна. Но доехать до Даерги, где жила Гара, они не смогли. Все застряли в Верхнем Нергене. Началась буря, какое-то время они пережидали непогоду, а потом повернули назад. Считается, что этой бурей обо всем прознавшая от своих сэвэнов Гара останавливала непрошенных гостей.

Но наиболее действенными считаются шаманские методы борьбы с хищением духов. Только шаманское камлание помогает установить, является ли причиной внезапной болезни кража духов. Обычно пострадавший сам шаманит с оставшимися у него духами, чтобы установить причину своего недуга. «Откуда вы узнавали, что Мария Петровна держит у себя ваших сэвэнов?» – спрашиваю я Николая Петровича. «Я тогда еще сны видел, – говорит он. – Вместе с другими своими сэвэнами я доходил до попавших к ней в плен сэвэнов и сам же освобождал их. Иногда я зову свою собаку, когда она мне нужна, а она не идет. Я посылаю за ней какого-нибудь другого сэвэна. Тот находит ее, освобождает, и я иду и гремлю во сне. А эти (мои домашние) боятся, прижмутся в углу, сидят и слушают. "Так ты во сне гремишь! – они говорили. – Голос такой, что даже страшно иной раз бывает!"» (с. Найхин, 1994 г.).

Но чаще похищение духов настолько ослабляет пострадавшего, что он не в состоянии справиться со своими проблемами и вынужден обращаться за помощью к другому шаману. «Иной раз не можешь справиться сам, – продолжает Николай Петрович. – Идешь к другому шаману и говоришь: "Иди туда-то и туда-то и освободи там моего сэвэна. Ты сам знаешь, куда идти освобождать!". Тот пойдет и освободит» (с. Найхин, 1994 г.). Освобождая похищенных сэвэнов, шаман обычно камлает. Но он может делать это и во сне. Так, сэвэнов Николая Петровича не раз освобождала во сне его жена, шаманка Минго.

«Я один раз видела сон, – рассказывает она. – Вышла я на улицу, а там во дворе стоит большая-большая собака. Пасть у нее огромная, шерсть черная, блестящая с красноватым отливом, а брови желтые. Глаза яркие-яркие, как стекло. Меня увидела и обрадовалась, и интересно, что я хоть и первый раз ее вижу, а уже имя ее знаю и знаю, что это собака Николая. "Заходи в дом, Кустанька!" – говорю. Я открыла дверь, она вошла и села мордой к зеркалу. "Николай, – говорю, – Кустанька твоя пришла!". А он лежит и хоть бы что! Четыре дня собака там сидела. Днем-то мы не видим, что собака там есть. Хотя, когда к ней подходишь, немного чувствуется. В другой раз еще одна маленькая его собачка приходила. Я его сэвэнов сама в дом вводила. Их где-то там (Мария Петровна) привязала, они вырвались и сюда пришли, а я их в дом ввела». Слушая этот рассказ, Николай Петрович комментирует: «Если бы она их не привела сюда ко мне, я, может быть, уже умер бы» (с. Найхин, 1994 г.).

Сторонние же шаманы неохотно берутся помогать пострадавшим. Одно дело, когда духи сами уходят от похитителя и остается только, как в случае с Минго, довести их до обокраденного. Если же дух остается у похитителя, то для того чтобы вернуть его, нужно вступить с этим похитителем в конфликт, действовать против его воли. А это может вовлечь желающего помочь стороннего шамана во вражду с похитителем, причем в еще более опасную, чем та, в которую он сейчас вмешивается, во вражду межродовую. Так, не смогла допроситься помощи у шаманов Мария Иннокентьевна.

«Если бы мне шаман не закрыл дороги, – вспоминает она, – я тоже была бы шаманкой. Могла бы *эпили*²⁰ делать. И моему мужу, когда ему *пудэй*²¹ делали, тоже заткнули (шаманские дороги). Он потом говорил, что сны его потерялись, не стало дороги, по которой он ходил *кэсиэ гэли*²². Я говорю ему: "Если знаешь, кто это сделал, сними это, открой свою дорогу! И мои тоже дороги открой!". До того, как со мной это сделали, я видела сны, а теперь тоже ничего не вижу. Вверх взлететь не могу, никуда полететь не могу, нет у меня дороги! Закрыты, перегорожены мои дороги. "Ты все знаешь, – говорю, – постарайся сделать! Или хоть свою только

дорогу открой!". Он действительно открыл свою дорогу. Снял преграду. И стал, как и прежде, как ему положено по своей тропе таочи делать. А был *хал-хал* (как беспамятный), совсем не знал, что делать. Зачем загораживают? Уже после того, как муж мой заболел, приезжал к нам зачем-то Гогда-шаман. Муж говорит: "Расскажи ему!". Я рассказала. "Наверное, вам что-то сделали", – говорит (Гогда). Мой муж сказал: "Я сам постараюсь себе помочь!". Он действительно вернул потом свою дорогу. А мою почему не вернул? И мою как-нибудь открыл бы, хоть я и никто! Сейчас вижу во сне только то, что закрыты мои дороги. Только попытаюсь вверх взлететь, как тут же вниз падаю. Шаман Гогда сказал тогда: "Я останусь до завтра и *пэргэ* сделаю (погадаю), посмотрю, отчего это с тобой, какая ты там". А ночью его жена проснулась, подняла мужа и стали они собираться домой. А что мы им скажем, если они уезжать собрались? Я мужу говорю: "Ты сильный шаман, почему не скажешь им, чтобы остались еще на день?"» (с. Найхин, 1993 г.). В другой раз она продолжает этот же рассказ: «Хотела, чтобы другой человек (Гогда-шаман) снял это, открыл мою дорогу, а его жена увезла! Они уже собрались, уже уезжают! Что поделаешь! "Почему не задержались? – говорю. – Остались бы! Завтра поехали бы!". Но они так и уехали. Жена его тоже шаманкой была. Вот Чонги мапа, наш дедушка, если уж лечил, ни с чем не считаясь, лечил! Пусть хоть амбан дорогу загораживает!» (с. Найхин, 1994 г.).

Носители традиции считают, что шаманская деятельность невольна, а иногда и неизбежно сталкивает шамана с такими проблемами, как похищение шаманских духов и межэтнические и межродовые шаманские войны. Избежать указанных проблем удастся, как считается, только слабым, мало практикующим шаманам, деятельность которых редко входит в противоречие с интересами других шаманов. Данных об этом собрано, к сожалению, еще не так много. Между тем исследование поднятого в данной статье вопроса поможет не только пролить дополнительный свет на характер взаимоотношений шаманов между собой, но и переосмыслить ряд вопросов, касающихся самой сущности шаманизма.

Примечания

¹ Обобщены материалы, собранные среди нанайцев в Хабаровском крае в 1980–1994 гг. и хранящиеся в личном архиве автора. Приводим сведения об информантах, высказывания которых цитируются: Бельды Линдзя Ильтунгаевна, (1912–1999, села Дада и Даерга); Бельды Николай Петрович (1927–1997, с. Найхин); Бельды Раиса Ганзулиевна (р. 1959, с. Найхин); Бельды Тоё Петровна, (р. 1911, с. Синда); Гейкер Минго Чусэмбовна – в статье шаманка Минго (1917–1997, с. Найхин); Киле Када Ингириевна – в статье шаманка Када (р. 1917, с. Лидога); Киле Ольга Егоровна (р. 1920, с. Верхний Нерген); Онинка Эли Кисович (1912–1985, с. Даерга); Тумали Мария Иннокентьевна (р. 1902, с. Кондон).

² Для этого у шаманов есть серьезные основания. Если родственникам и клиентам шамана станет известно о том, что он с кем-то враждует и особенно о том, что соперник сильнее его, они перестанут обращаться к нему за помощью, опасаясь стать теми жертвами, которые шаман вынужден отдавать своему врагу. А поскольку духи-помощники постоянно заставляют шамана лечить других, то, оставшись без клиентов и став негодным духам, он будет обречен.

³ *Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935. P. 372.*

⁴ О вражде шаманов среди эвенков см., напр.: *Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.*

⁵ *Смоляк А.В. Шаман: функции, личность, мировоззрение. М., 1991. С. 59–60.*

⁶ Там же. С. 62.

⁷ См.: *Siikala A.L. The Rite Technique of the Siberian Shaman. Helsinki, 1978.*

⁸ Распространенное представление о том, что родовой шаман заботится о благополучии своего рода и лечит исключительно его членов, на нанайском материале не подтверждается. Носители традиции утверждают, что, поскольку причинами болезней и других несчастий являются родовые духи, шаман не может лечить своих сородичей, относящихся к той же родовой линии, по которой он наследует своих духов. Иначе ему пришлось бы противодействовать тем же духам, которые ему помогают. Группа клиентов формируется из его соседей, в том числе из не относящихся к этой родовой линии родственников.

⁹ *Дёкасо* – вместилище духов данного шамана и душ тех, кто у него лечился.

¹⁰ Здесь и далее слова в скобках, вставленные в высказывание информанта, – комментарий автора.

¹¹ *Гора и дёржил* – шаманские дороги и территории невидимого мира. Подробнее об этом см.: Смоляк А.В. Указ. раб. С. 137–142.

¹² Один из рассказов о таком похищении во сне принадлежит шаманке Линдзе. Он интересен тем, что это единственный в нашей коллекции рассказ не от имени жертвы, а от имени инициатора похищения. Впрочем, похищение как таковое в данном случае не состоялось. Было лишь не осуществившееся намерение. «Мой сват умер. Он так и не смог стать *дянгианом* (человеком, способным руководить другими), – говорит Линдзя. – Мне снился сон про него. Пришел он ко мне вот с таким маленьким мальчиком. Сюда, в этот дом они пришли. Есть в этом доме лестница наверх. Не успела я оглянуться, как он (этот ребенок) уже взобрался по той лестнице, потом спустился, потом снова забрался и снова спустился. А сват пришел ко мне, как мне снится, чтобы я *пэргэчи* ему сделала (погадала). Болеет он. Я сказала ему: "Сват, оставь мне этого ребенка на полгода! Я привяжу его (к своей *сона* – к ремню, связывающему моих духов) и буду держать его у себя. Так я узнаю, что из этого получится. Узнаю, будешь ли ты *дянгианом* или *касатый*-шаманом (шаманом, отправляющим души умерших в загробный мир). Все узнаю. Оставь мне его!". Это я вам сон свой рассказываю. А сват отвечает мне: "Я своего человека людям не отдам, ребенка своего никогда людям не отдам!" – "Ну, хорошо, я хотела только попробовать поддержать его привязанным к своей *сона* и узнать, станешь ли ты *дянгианом* или *касатый-шаманом*". Так во сне с ним разговариваю. Нет, не оставляет! Человек может выздороветь от своего сна. (Если бы он меня послушал), можно было спасти его в том сневидении. Но он не захотел, забрал этого мальчика и ушел. Ушел и что? (недолго после этого пожил, болея, и умер). Я не люблю разговаривать и жить с чужими *амбанами* (злыми духами). Не умею» (с. Дада, 1992 г.).

Ребенок, которого Линдзя видит во сне рядом со своим сватом, – это дух. Она еще не знает, что это за дух, наделяет ли он способностью руководить другими людьми или делает человека шаманом. Но она видит для себя возможность забрать у свата этого духа. Предполагается, что не только Линдзя, но и ее сват видел во сне свой визит к ней, и так, словно все происходило не в сневидении, а в реальном мире, выразил свою волю, не позволив Линдзе отобрать у него духа. Линдзя утверждает, что сват ее не умер, если бы не воспротивился и позволил ей забрать своего духа. Но в свете традиционных представлений это сомнительно. Нанайцы считают, что если у человека забирают духа, ему становится только хуже.

¹³ *Таочи* – камлание, во время которого шаман отправляется в путешествие, для того чтобы найти душу, а иногда и сэвэна, принадлежащего заболевшему, и вернуть их ему.

¹⁴ Смоляк А.В. Указ. раб. С. 87.

¹⁵ *Армоки* – дух-помощник матери Николая Петровича, шаманки Дэхэ. По словам Николая Петровича, Дэхэ родила этого духа и считала его своей дочерью. Сам же Николай Петрович, его сестры и братья считали Армоки своим духом-сестрой.

¹⁶ *Торо* – дерево с изображением на стволе человеческого лица. Перед этим деревом совершались жертвоприношения духам.

¹⁷ Смоляк А.В. Указ. раб. С. 142.

¹⁸ *Ниокта* – дух или душа шамана.

¹⁹ В течение 10 лет до этого Гара пребывала в психическом расстройстве, и минуты затишья, когда она «не буйнила», были для нее редкостью. Став шаманкой, она поправилась.

²⁰ *Этили* – камлание при одухотворении изображения духа или с какими-либо просьбами к духу.

²¹ *Пудэй* – камлание, во время которого криком прогоняли злого духа.

²² *Кэсиэ гэли* – букв. «счастья просить», молить духов о чем-либо.

T. D. B u l g a k o v a. Abduction of shaman spirits

In this article the author presents her field materials collected among the Nanai people on the shamans' practice of abducting their spirit helpers from each other. Information on the abduction of spirits is usually inaccessible to the researchers as it belongs to the sphere of secret knowledge not to be disclosed. Hence the author's investigation of the issue may help to throw more light on the character of relations between shamans and to reconsider some points concerning the very essence of shamanism.